

Н. ВОГДАНОВ

ПРОПАВШИЙ ЛАГЕРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ-ИЗДАТЕЛЬСТВО
1925 г.

НОВАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
СРЕДНИЙ И СТАРШИЙ ВОЗРАСТ

Н. БОГДАНОВ

Б-734

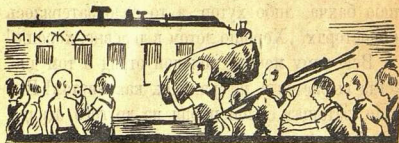
ПРОПАВШИЙ ЛАГЕРЬ

РАССКАЗ

РИСУНКИ

С. ГЕРАСИМОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

1. В ЛАГЕРЯ.

В Москве жара закупорила улицы, желтый воздух — от пыли не продохнешь.

А зато в поле разлилось тепло по зеленым, дышат травы, и мягкий дух от них приятно волнует грудь. Широко стелется простор синий и колышется, уходя куда глаз глянет. Кое-где, как барашковые облака на небе, разметались по полю рощи, — курчавые и прохладные.

Овражки развели густые брови кустарника и перекатывают камешки-голышки, пряча по ним родниковые ручьи: Где чибис спрашивает: «чьи вы, чьи вы», там либо озеро, как зеркало в рамке, в кувшинках и в тростнике, либо речка омутистая, игривая, нежится на песке.

А где слышится по вечерам лай собак, там либо бахча, либо хутор, а то село затерялось в просторах. Хорошо летом в деревне, хорошо!

Всю зиму мечтал молодой отряд о том дне, когда вырвется в лагерь. Ох, как мечтал! Бывало, затащат силой парня из другого отряда, что был уже в лагерях и с горящими глазами слушают его рассказы бесхитростные и увлекательные. Даже в звеньевой дневник запишут, когда был и о чем говорил побывавший в лагере.

Чем ближе шло время отъезда в лагерь, тем радостней и вместе тревожней билось сердце каждого и всего отряда.

Вдруг не отпустят дома? Вдруг завком не даст средств? Вдруг... эх, да мало ли вдруг, мало ли отрядов осталось, не побывав в лагере!

Но ребятам везло. Завком постановил, и общее собрание рабочих решило отработать по лишнему полдня, но дать пионерам средств на лагерь.

Узнала это Симка, пришла домой, а у самой радость так и просится вылиться.

Отец пришел, как всегда, немного усталый, такой нахмуренный.

«Ведь вот, я-то в лагерь, а папке опять работать полдня», — мелькнуло в голове. Захоте-

лось подойти, как-то порадовать, поблагодарить отца.

Подошла, приткнулась курчавой головой, а сказать-то и нечего.

— Эх, папа, хорошо в лагерях, вот бы ты пионером был, — вырвалось вдруг.

Усмехнулся отец, убежала хмурь с лица и потрепал тихо по плечу.

— Не было у нас этого, не так росли.

Не прошло недели — разведка отыскала место для лагеря.

Кто не видал в Москве пионеров, идущих в лагерь! В задорных лицах, в веселом шаге, даже в звоне барабана слышится, что идут они в лагерь.

Шел отряд наш не хуже других. Симка победоносно оглядывала ушлывающие мимо улицы, — казалось, каждая из них дразнилась и высовывала языки вывесок.

Ей захотелось высунуть язык самой и сказать Москве: — на-ка, выкуси, но сдержалась: в строю, брат, дудки. Скоро вокзал поглотил всех, потом тихо, с присвистом взял паровоз, и запели вагоны:

— Уезжаем, уезжаем, уезжаем; в лагерь, в лагерь...

— Везу! — рявкнул обрадованный паровоз, пересекая Окружную.

Место разведка выбрала подходящее.

За четырнадцать верст от станции пробегала река Клязьма, делая у роицы загиб вроде буквы «Г». На левом берегу виднелось какое-то село, встречные говорили «Выселками» зовется, а на правом, где курчавилась роца, берег был крутой, весь бугристый, не было сырости, тут-то и место лагерю.

Когда выпустят кроликов из клетки на двор, они сперва удивятся, потом, почувствовав себя хозяевами, первым делом скакнут и кувыркнутся в воздухе, непременно лягнув ногами, дескать, теперь-то нам сам чорт не брат.

Наши ребята, скинув походные мешки, уподобились кроликам, только те молчали, а эти даже визжали от радости.

После такого, своего рода новоселья, принялись за устройство лагеря. Появились солдатские палатки, топоры, вожатый Петя бегал с веревкой и все измерял, где, что и какая палатка.

На другой день забелели гусиной стаей палатки у роцы.

Трое ребят, увидев, что скверно таскать воду высоко, взялись за устройство водокачки. Конечно, не той, что подает воду на всю Москву — немного меньше и проще. Вбили кол на бугре и другой с загогулиной в самой воде, привязали веревку и ведро на блоке и все. Ведро пустят, зачерпнется оно и давай, давай на гору. Ведь, здорово!—приступили к пробе.

2. НЕ ПО ЛАГЕРНОМУ РАСПИСАНИЮ

Тапы - лапы - лапы - тапы, — выговаривали вальки на мостках. Выселковские бабы стирали. Брызги летели, как колотили белье. Звонко и радостно судачили, говор и шум плескались по всему берегу.

— Бабыньки, и-и-и... — взвизгнула вдруг молоденькая бабенка.

— Ты што, дура, испужалась я как, — вздрогнула соседка.

— Бабыньки, Еграша потонул!

— Ой, што ты?

— Как же, его шлепанец плывет!

— И впрямь! О, родимец, беги к бабе Фроське, и не чует она беды!

— Краул, краул, народу скорей!

— Ка-ра-ул! — залилась бабенка и, подбрав юбку, побежала по селу к Еграшиной избе.

— Караул! Тонут! Караул!

— Што, где тонут, говори толком?

Выскакивали навстречу и стар и мал.

— Еграша потонул. Ой, Еграша!

Бежали все на берег к мосткам, а толстая Ефросинья, выудив на рогач шлепанец, размахивала им, как трофеем, и орала:

— Ратуйте, ратуйте, народ!

Вся деревня высыпала к берегу. С горы под руки тащили Еграшину старуху, она билась и причитала:

— На кого, на кого ты меня покинул, андел ты мой, белый.

— Багры, багры давай!

— Лодку!

— Спокойствие, граждане, спокойствие, — урезонивал председатель, одетый по-городскому, несмотря на жару, в кожаную куртку.

Выехало несколько лодок, заработали баграми, с берега потянули невод и повалили все вверх по течению, юркие комсомольцы заскакивали вперед.

Как всегда, дед Еграш надел шлепанцы, накопал червей еще с вечера, взял пару лепешек и зашаркал удить.

Как всегда, глядя на удаляющегося рыбака и на дрыгающие на спине хвосты удилиц, старуха ворчала:

— Опять удить, а уши не будить.

На этот раз она угадала, не принес старик ни плотвички. Шел он на любимое место на «Каменку», где крутые берега, на версту выше от Выселок,

С замиранием сердца подходил к любимому месту и щурил глаза, — не опередил ли кто, не занял ли, тогда прощай жирные налимы и востроглазые окуни.

Никого нет, даже вздохнул облегченно и зашагал быстрее.

Вдруг, шыррр, трах!

Дед почувствовал, как что-то сверху со страшным шумом налетело и ударило по скуле, по лбу, по всей голове сразу, так крепко, что в глазах пламя пыхнуло, слетел дед, как гриб, и шлепанец с ноги в воду угодил, покружился около берега и поплыл прямо в Выселки.

— Ой!

— Убили!

Вскрикнули сразу трое на обрыве, видя все это, а ведро на блоке, поплясав в воздухе, плавно съехало в воду и, как доброе, зачеркнулось.

— Воды, воды дайте!

— Чего воды, нашатырного нюхнуть.

— Медной пряжкой приложить — шишки не будет.

— Беги за аптечкой!

Куча ребят и девчат, все в одних трусах, копошились над стариком. А старый Еграща

лежал, раскинув руки, с багровой шишкой на лбу и с раздутой скулой.

— Петя, старика убили, — пугая сама себя, сообщила Симка водителю.

— Как так, кто?

— Мы. Устроили, значит, ведро на блоке, воду таскать, стали пытаться, пустили, оно шибко пошло, а берегом старик шел, не увидел веревку, ему трах!

— Ах, черти, и здорово?

— Не отходит, валяется.

— Фу-ты, вот так смычка!

Глиняными комками скатились с обрыва. Старик отошел и сидел, хлопая глазами, ничего не соображая. Вокруг какие-то люди, голые, как чертенята, — Еграсу жуть взяла.

— Где я? — не веря себе, что он еще на этом свете, тихо спросил дед.

— На берегу, дедка, вот история, как ты бичевы-то не заметил. Ишь ведро, вон тебя этим ведром и хватануло.

— А, — улыбнулся дед, — ну, это ничего, а я думал, не громом ли убило!

В ответ заулыбались все кругом, как солнечные зайчики в лужах выглянувшему из-за туч солнышку после дождя.

Пощупав шишку, Еграша после первой улыбки стал хмуреть. Ребята утешали старика, чем могли, — никак. Вдруг он зашарил рукой вокруг и еще больше насушился:

— Кисет выронил: закурить — полегчает.

— Постой, дедушка, вот, — и Мишка, забывая, что пионеры не курят, извлек из-за пазухи «Яву» и заправски постукал по доньшку ногтем.

Старик просиял и затанулся на пол-папиросы.

Спасены, — скандалить не будет. Все как-то позабыли такое чудесное появление «Явы» из-за Мишкиной пазухи.

По реке донесся гул.

— По кустам шуруй, по кустам!

— Мырай, зачепило!

— Ого! — Все насторожились и скоро высыпали навстречу валившему по берегам народу.

Все так увлеклись, что даже не заметили голышат-пионеров и самого Еграшу, — да он здорово изменился от шишки.

— Отдай крыло, осадил!

— Шуруй, говорю, по кустам. Шуруй!

— Чево по кустам...

С ловцов градом катился пот, и народ налезал на воду, следя за движениями спасателей.

Дед Еграша тиснулся в толпу и, толкнув кума Астафья, спросил:

— Чего шукают?

— Чево, Еграша потонул!

— Как потонул? — еще не сообразив, переспросил Еграша.

— Да так, один шлепанец выплыл.

— Тьфу. А я его ищу!

Астафий вылупил глаза и признал в обезображенной физиономии кума Еграшу.

— Да ведь тебя ищут, окаянный. Наро-о-од! Жив Еграша, стой! Невод, сто-о-ой! — заорал Астафий во все горло.

— Как?

— Где?

— Еграша?

— Не потоп?!

Забунтовал народ, вавилонское столпотворение. Старухи на том берегу еще причитали, а Еграшу уже подняли на руки и показывали всем, кто близко знал, — угадывал.

— Тьфу, а мы-то.

— И кто это сбаламутил?

— Нечистый, штоль, тебя скосорылил.

— Не, — вон эти — ведёркой. Говорят, терпи, смычка, — указал Еграша на ребят.

Слыша такое превратное толкование о смычке, Симка не вытерпела.

— Граждане, товарищи, мы не виноваты. Дед шел, а ведро-то хлоп, ну он и это, тово, значит... посинел. Это не для смычки, товарищи, смычку рабочего с крестьянином завещал нам Ильич. Эту великую идею мы должны провести в жизнь, тогда только сумеем мы построить действительно коммунистическое общество. Пролетарская революция, товарищи...

Стоило начать, Симка разошлась, и скоро вся деревня знала, что такое пионеры, для чего смычка, для чего они приехали.

Председатель почувствовал себя, как дома, слушая оратора и позванивая звонком, который он всегда носил при себе, повторял:

— Тихе, товарищи, тихе.

— Мы для более тесной связи организуем для вас мастерскую, где будем чинить бесплатно домашнюю утварь беднейшему крестьянству... — разглагольствовала Симка.

Слова многим запали в душу, особенно Еграше.

— Отнесит-ка им ведро в починку, крепкие у них ведра дюжи, нам тоже крепко справят, — говорил он вечером старухе, кладя холодную тряпку на спянок.

— Уфф, — вздохнул Петька, когда разошлись мужики, — хорошо так обошлось. Вот ведь сроду и не думал, весь день на это ухлопали.

— Да, не по лагерному расписанию, — поддакнули выселкинские комсомольцы, осматривающие лагерь.

3. НЕОБЫКНОВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ

Бабка Фрося, не откладывая в долгий ящик по совету Еграши, отыскала худое помойное ведро, подоткнула юбку и зашлепала к перевозу.

На реке тишь, только надрывается, орет отбившийся теленок, да плескает, выкачивая черпаком воду, перевозчик, — к полдню баб возит за реку коров доить, заранее приводит в порядок свой транспорт.

Еще на горе заметил он старуху с ведром.

— Ну, снятила, до полдней еще полдня, а она уже доить.

— Глебыч, переправь. Туточко добежать надо...

— Рано-рано, со всеми вместе. Что я подрядился? — заворчал старик. Тут взгляд его упал на дырявое, грязное и смердящее чем-то ведро.

— Совсем рехнулась, старая карга.

— Да не на подойку, вот на гору, до этих самых, как их, прости господи... ну, ведерко им снести в починку.

— Што? В починку, да такие ведра разве чинят, — его в воду бросить, ракам жить, сквозь дыра, ведь — не ведро!

Однако, после всяких рассуждений Глебыч перевез старуху и долго еще качал головой, глядя, как семенила бабка к лагерю.

Ребята только выкупались и, выстроившись на бережку, проделывали вольные движения.

— Раз-два-три-четыре... раз-два,— все сразу поворачивались, махали руками, приседали.

Старуха издали заметила. Щурит глаза.

— Господи боже, што за чудо. Корова не корова, а что-то вертится большущее, пестрое.

И будто ляжет и хвостом вильнет, встанет, опять вильнет... — бурчала она про себя.

— Ой, батюшки, да это они... — удивилась такому диву. — Ой, никак голые.

Тут старуха даже почувствовала себя оскорбленной: как же это, мимо народ, а они вон што.

Однако, назад не вернулась и, отчаянно размахивая ведром, решительно двинулась.

— К нам, — заметила Агита.

— К нам, — подтвердила Симка.

— Старуха.

— С ведром.

— С самым худым.

Скоро бабка понеслась обратно, а заведующий мастерской, Рубинчик, долго ковырял в бритом затылке, таща на шесте ведро мыть в речку: брать руками он его не решился. Мыл он его долго и тщательно — мочалой, тряпкой, усердствовал. Наконец, представил в мастерскую, и шестеро мастеров долго вертели ведро, отыскивая целенькое местечко.

— Ну, и штука для первого раза!

— По-моему, ржавчину сперва отбить.

— Ага, виднее будет.

Вдели ведро на шкив, и Рубинчик ударил молотком.

— Вжах, — посыпалась ржа.

— Вжах-х, — разъехалось и поползло в разные стороны ведро.

— О-о-о! — в ужасе воскликнули разом все мастера, а Рубинчик, не веря глазам, выпустил из рук молоток.

— Це-це-це... Что ж теперь?

— Что ж теперь? — повторили все.

Как надлежит во всяких подобных случаях, обратились к вожатому Пете.

Пришел Петя, пошевелил ногой бранные останки ведра и, удовлетворенный экспертизой, вздохнул.

— Дело за отрядной кассой.

— Как так?

— Очень просто — деньги на бочку и купить новое.

На следующий день заведующий мастерской ездил в командировку — и появилось новое, здоровенное ведро.

Старуха была аккуратная и явилась в срок.

Рубинчик демонстративно протянул ей ведро. Старуха так и села, протерла глаза, пощупала ведро, ушибнула себя даже и, наконец,

убедилась,—новенькое ведро, будто что сейчас сделанное.

— Как же... как же, платить што?.. — залепетала бабушка, представляя себе, какую же плату заломят за такую работу.

— Нет, нет, бабушка, мастерская бесплатная, — великодушно сообщил Рубинчик.

Старуха ухватила ведро, подоткнула подол и зашлепала к перевозу.

— Вот шельма, — искренно и тепло послал вдогонку Петька.

— Дорого за ведро-то платила? — полюбопытствовал Глебыч на перевозе, потягивая канат и поплевав на корявые руки.

— Зачем это мне за свое ведро платить?

— Как за свое, нешто это то самое?

— Самое-самое, а ты ракам... — передразнила старуха. Тут Глебыч выпучил глаза и сам стал похож на рака. Не прошло его удивление, как старуха уже катила по селу, размахивая ведром.

— Ну и ну, это пионеры, — мог только вымолвить перевозчик и полез шарить по парому, тщетно стараясь отыскать какую бы железную штуку отдать в починку.

Ничего не было на пароме, черпальный ковш и тот деревянный. Но Глебыч ползал на брюхе и все искал, искал... А что делалось в селе?! Скрип, скрежет, грохот железа, хлопают двери, орут ворота, пыль на дворах и на улицах.

О, что это? Неужто бандиты ворвались в мирную деревню и подожгли ее с четырех концов, и жители бегут в ужасе со своим скарбом?!

Нет, нет и нет. Это, обгоняя друг друга, спешили все Выселки, неся, кто сколько мог,

ведер, ковшей, кастрюль, самоваров, кружек, банок. Спешили, толкали, и все это, стучаясь, издавало страшный гул и звон. Лился этот шум, и смятением наполнял округу.

Казалось, все помешались, сбежал и паромщик, никогда не сходявший со своего парома. Он нашел, что ему чинить—старую банку от консервов, в которую он копал червей.

— Если старухе из куска ржавчины сделали ведро, то мне подавно из нее миску делают... — ворчал он.

Кто это кричит иступленно на берегу? Это председатель, сам председатель сельсовета, — он едва, едва выволок из погребца деревянную ванну, что упер пять лет тому назад кто-то у господ... и опоздал, — сбежал паромщик. Но не все еще потеряно. Решился председатель, — снял рубаху, заткнул дыры и в ванне отправился в обгон односельчан по реке.

— Что это крестный ход?

— Нет, в мастерскую народ прет!

— Что мы будем делать, что мы будем делать, — ухватил себя за голову Рубинчик, видя беду неминуемую.

— Петя, Петя, смотри и ужасайся.

— Чего ужасаться, пионер из беды выйдет.

— Как?

— Молчи!

Скоро шествие подвалило.

— В очередь, товарищи, в очередь, — над-
рывался Петька.

Толкались, громыхали посудой, становили
очередь.

— Куда прешь! — орал вошедший в азарт
Глебыч на председателя с ванной. — Поспеешь,
здесь все равны.

— Граждане, позвольте пару слов:

...Мы устроили для смычки с вами бесплат-
ную мастерскую... заветы Ильича... комму-
низм... — так и сыпал Петька. — Но ведь сами
знаете, все мы перечинить не можем, а потому
будем чинить только по записке сельсовета
беднейшим гражданам.

От этих слов повесили носы выселковцы.
Как хозяин, напуганный пожаром, втаскивает
обратно ворча весь хлам, так шли домой вы-
селковцы, уныло звеня посудинами.

Хорошо говорить — по записке сельсо-
вета; легче новую посудину получить, чем бу-
мажку в сельсовете.

Вот чем спас себя и мастерскую Петька.

Вернулся на паром Глебыч, угомонилось село. Но слух о чудесной мастерской долго жил в народе.

4. БУДЬ ГОТОВ!

Скоро в лагере обжились. Решили смычку заводить крепче. Опробетливо не поступать. Первым делом, конечно, изучить и обследовать деревню, потом помочь чем можно: переплести ли книги в библиотеке, украсить избу-читальню, вообще поработать в полной парадной форме с блокнотами и карандашами. Перевез Глебыч звено «Летчик» в Выселки.

Звену план дан — обследовать и записать расслоение деревни, нового кулака, середняка, бедняка. Почему, как, отчего, урожай, орудия труда, все, все.

«Старый барабанщик,
старый барабанщик,
старый барабанщик крепко спал.

Вдруг проснулся,
перевернулся,
октябренок сразу стал».

Выговаривал барабан по селу, и пока мы удивляемся чудесному превращению барабанщика в октябренька, звено завернуло к новой хате с петухами и резным крыльцоом. Изба Петра Тимофеевича Тимофеева.

— Вам хозяина? — высунулась из окна бабенка.

— Да, нам бы хозяина.

Щеколда сенц щелкнула и, грузно ступая по ступеням, вышел хозяин. Бык быком. Покосясь, будто рогом боднуть прицелился.

— Чем можем служить?

— Мы вот, товарищ, хотим крестьянское хозяйство обследовать, мы из города, интересуемся, как вы живете, обрабатываете землю, мы запишем, поедем в Москву, расскажем...

— Дунька, пиджак подай, — гаркнул внимательно слушавший речь Симки хозяин.

— ...Вот мы расскажем, смычка будет крепче, — продолжает Симка, а сама думает: Зачем ему пиджак?

Пиджак был подан. Хозяин порылся в карманах.

— Извольте-с, — протянул он Симке какой-то лист.

— Это что? — удивилась звеновая.

— Все в порядке-с, до пудика.

— То есть, как? — совсем сбилась с толку Симка.

— Очень-с просто, квитанция, налог внесен и никаких, не имеете права подступаться, — декрет — безобразиев не допускать.

— Вы, вы, гражданин, не поняли... мы не за налогом, мы, так сказать, обследовать...

— Обследовать, ваш мандат! — рявкнул де-тина. — Нонче строго, обыски без бумаги не допускать, притом же без председателя сельсовета...

— Да мы не обследовать... То-есть, не обыск...

— Не можем допустить, пожалуйста мимо.

Дверь хлопнула.

— Ф-фу! Кулачина, образина тупоголовая! — потрясла возгласами Симка. — Ведь надо эдак, а!

— Надо, не надо, а тово... этово с носом.

— Ну, к середняку сходим, наука нам, не лезь к кулакам.

Перешли дорогу и прямо к обыкновенной избенке.

Перед окном баба поила теленка, в окне ревел чумазый парнишка, грызя собственный кулак.

«Старый барабанщик,
старый барабанщик»...

снова заговорил барабан.

Мальчишка бросил реветь и грызть кулак и разинул широко рот, желтый, как у галчонка, измазанный в яйце, а баба отпустила ведро, теленок же буркнул и разлил все свое пойло.

— Здравствуйте...—Симка совсем не знала, как начать после первой неудачи.

— Здравствуйте, — подозрительно покосилась бабенка и оправила красную юбку.

— Мы вот из города... посмотреть ваше хозяйство хотим, живем мы рядом — вот за рекой... Палатки у нас, ну и живем... вот...

— Обожди, я хозяина кликну.

Баба скрылась за избой и скоро извлекла откуда-то хозяина, босого молодого мужика, знакомого с бритвой, но незнакомого с гребенкой, на что указывало отсутствие бороды и всклокоченная репой-голова. Внимательно выслушал он Симку.

— Хорошо, покажем.

Взликовали ребячьи сердца.

— Все показывай, как есть!

— Это вот соха, тыщу лет живет, с Микулы Селяновича, *) и никаких нововведений, пашешь — не пашешь, комки только переваливаешь, — рассказывал мужик.

Десять блокнотов зачертили сразу.

— Удовольствия тебе никакого... — поглядел мужик и вздрогнул: записывают. О, беды бы не было... наврать надо... — Удовольствия, значит, никакого... урожая в абсолют нет.

*) Микула Селянович — первый пахарь, о котором поется в народных былинах.

- Как совсем нет?
- В абсолют нет.
- Посеешь и ничего не соберешь?
- Во-во, точно так, пиши так.
- Да зачем же тогда сеять-то?
- Да так полагается, мужик — значит сей, как и прочие.
- Хм!.. а чем же вы живете?
- Да летом зелень — огурец, а зиму взаймы берем.
- Ну, а скотину как водите?
- Вот телка... только-только завел две недели.
- А коровы нет... и лошади?
- Ни-ни, запиши, нету.
- А это что, — указал Рубинчик на добродушную морду коровы, глядевшую из дыры хлева.
- Ета, ета?.. Ета не моя, как перед богом, не моя!
- Врешь, брат, зачем же она к тебе в хлев-то зашла?
- Да хлев-то не мой, суседов хлев...
- А изба твоя?!
- Ни-ни-ни, изба тоже не моя.

— Папань, — тянул ручонки из окна карапуз.

— А сын-то в окне твой?

— Рази сын, да и то, что от ево пользы, душевно говорю...

— Нет, так не годится, говори правильно, а то вот мы запишем...

Симка договорить не успела. Баба до сего времени, стоявшая, как истукан, подперев лицо рукой, вдруг кинулась ей под ноги.

— Не губите родные... пожалейте... не описывайте, дети малые... сами бедные...

— Тьфу, — отплевывалась Симка уходя, — вот история... Попытаем к бедняку, — этот больше будет сочувствовать.

Подошли к хате, да и не то, чтоб хата, а так что-то: труба, соломы черный клок, а под ней бревнушки паклей слеплены.

— Вот это самый бедняк.

Стали торжественно и солидно перед дырой в хату — двери не было совсем.

Соблюдая правила приличия, Симка постучала за неимением двери в косяк.

Ответа не было.

После вторичного звука донеслись странные звуки.

— Мм... мыр... ма... и снова тихо.

Все звено, потеряв терпение, забарабанило по стеклам хаты. Из дверей сперва пахнуло каким-то странным запахом, как пахнет от мокрой собаки, и за этим запахом вылезла, качнулась и уперлась в косяк лохматая фигура.

Это был человек.

Он потер землистой рукой глаза, они разлепились и мутно посмотрели на ребят.

— Товарищ, мы к вам,—залепетал кто-то.

— Што? Опять обыск, за самогоном. Стервы... Я семь лет революции... десять ран... расстрелян, и не моги гнать, а Тимошке брюхану разрешона.

— Побью!! — заорал он вдруг, наливая кровью глаза и выворачивая с крыши орясину с доброе бревно.

...Опомнились ребята кто где. Мишка неся, как ветер, по огородам и только, залетев в крапиву, почувал, что за ним никто не гонится. Клавдия, свалившись с берега в тинистую речку, увидела, что сумасшедшего с дубиной здесь нет, и стала спасаться из тины. Барабанщик, спасая барабан, застрял на плетне и приготовился к смерти, шепча:

— Готов, сейчас готов...

Но ожидаемого удара орясины не было, тогда барабанщик занялся стаскиванием себя с плетня.

По свистку вожатого звена собрались к вечеру исследователи у парома и стали исследовать порванные костюмы, занозы, царапины, сломы и вывихи и вообще влияние смычки ча звено.

Блокноты оказались потерянными, и точных записей в отряд не принесли.

5. ПОСТОИ, НАКРОЕМ!

Симка крепко задумалась, хотя уже подергала колючие занозы, зашила блузку, но все еще помнила неудачную экскурсию в деревню. Главное смущало ее то, что ясно помнилось, как вслед удиравшим пионерам неслись свистки и улюлюканья собравшихся деревенских ребят.

Неужели все потеряно, неужели не будет выполнен завет Ильича о смычке? Нет, не бывать этому. Здесь что-то не так в этой деревушке, недаром же сказал этот сумасшедший: Тимофею разрешают вино гнать, а ему нет.

Три дня ходила сама не своя, а на четвертый пропала.

Бегал Петя в милицию, заявлял, сам искал и ничего — как в воду канула. Настроение у отряда было не из радостных. Как сказать домашним? Паника поднимется, всех рябят домой заберут, и решили молчать и отыскивать самим.

Однажды вечером, во время беседы у костра, явились вдруг из деревни два парня, оба в зи-

пунах и лаптях. Они быстро освоились и жадно слушали рассказ вожаго о Гамбургском восстании немецких рабочих.

Ребята так обрадовались — хоть через них свяжутся с деревней, что затеребили их совсем. Ночевать оставили у себя.

Ребята были простоватые, но глаза у них хитро бегали, как у зверьков. Они ко всем присматривались, прислушивались и изредка переговаривались между собой так, чтобы пионеры не слышали.

— Как тебя звать? — спросил Петька у одного утром.

— Еремкой.

— А тебя? — тронул он другого.

— Фомой.

— Хм... А кто вы будете?

— Парни будем.

— Я знаю, что парни. Что делаете, кто у вас отцы?

— Мы сиротинки, — состроили ребята жалостливые гримасы.

— Кто же вас кормит?

— А мы общественные горохи караулим летом, а зимой в школе сторожим, да на собрания скликаем.

Петька посмотрел на простоватые лица и подумал — не врут. Но когда опять встречался взглядом с хитрющими глазами, не доверял сам себе; скоро, однако, убедился, что парни свои.

Они притаскивали охапки гороху, водили пионеров по окрестностям, брали в ночное, рассказывали о деревне, что полно у них самогонщиков, но где они гонят самогон — отыскать никто не может. Говорили, что боятся самогонщики пионеров и хотят, чтобы скорей уехали.

Этим пионеры заинтересовались больше всего. Наверное их неудачи связаны с этими самогонщиками. Как бы вывести их на свежую воду. Отправляли в село тайно разведки, ходили по окрестностям патрулями, и все без толку. Где же эти неуловимые самогонщики? Ну, стой, мы вас подловим!

6. ЧТО-ТО ЕСТЬ

— Фома, как ты думаешь, ведь самогонщики-то, наверное, в бору скрываются, — толкнул в бок одного из братьев Шурка, вожатый звена «Смычка».

— Беспременно, — встрепенулся Фома.

— Беспременно, — подтянул Ерем и толкнул лаптем сучки в костре. Искры метнулись крупными звездами и, пыхнув, костер осветил палатки.

— Пойдемте завтра, один-то я местности не знаю.

— Что-ж, мы можем, — сказали в один голос опять Фома и Ерема.

В деревне залаяли собаки и пробили на церкви часы.

Потянул ветер и донес обрывки пьяной песни.

— Ишь, каждый раз пьют.

— А в праздники тово боле... — подтянули Фома и Ерема.

— Перед праздниками, знать, и гонят больше.

— А то нешто, вот у нас через три дня престольный праздник, так теперь его день и ночь шпарют.

— Ну?

— Пора, ей-богу.

— По ночам, наверное?

— Ну, конечно, кто же днем-то, это ночью.

— Ах ты, вот сейчас самое время ловить, по огням заметишь.

— О, да, вот да! — подхватили Фома и Ерема.

— Пойдемте. Не побойтесь, а? — вскочил Шурка.

— Ни-ни, мы завсегда.

— Тогда дуем, сейчас меня сменят и пошли, только тсс! Никому — ни слова. Ваську только возьмем и ша!

— Ша! — решили Фома и Ерема.

Скоро Шурка нырнул в палатку и стал будить Ваську. А Фома и Ерема толкнули друг друга локтями, перемигнулись, похлопали ключками по лаптям и уселись на чурбак.

Вышел Шурка и непроставшийся Васька. На ходу пристегивали к ремням финки.

Пошли.

Согнувшись, все четверо нырнули под бугор в темноту. Зашипел под ногами парный, теплый песок и зашуршали из-под берега летучие мыши.

Шурка крепче сжал в руке финку и твердо пошел.

— Ну, чую, чертовщины натерпишься, — подумалось почему-то.

Подошли к перевозу.

Паромщик спал на той стороне. Незадача. Гаркнуть нельзя, себя выдашь.

Фома и Ерема почесали затылки.

— Хы...

— Переплыву, — рассердился Шурка.

— А мы-то?

— Лодку подам, у парома отвяжу.

— А править-то можешь?

— Доеду.

Снял трусы, блузу, спустил одну ногу, и она потонула в черной и теплой воде. Плеснулась где-то огромная рыбина. Всхлинуло в камыше, стало жутко. С колющим под сердце страхом осел Шурка в воду и поплыл, подрагивая и стуча зубами.

Фома и Ерема смотрели не то с усмешкой, не то с восхищением.

Река относила. Шурка вошел в азарт и позабыл страх. Впереди, наконец, выросла черная глыба парома. Схватился за плесневелый мшисто-зеленый канат и вскарабкался. У сторожки покачивалась лодка. Стал отыскивать весло.

Вдруг в сторожке кашлянули, закричали, и вывалился Глебыч, протирая глаза.

Шурка, как стоял, так и остался, совсем позабыв, что он в неурочную пору, да притом голый.

Глебыч ахнул, шатнулся, цапнулся за перила и, теряя подштанники, засеменил с парома.

— Свят, свят, свят, свят! — зашелестел его шопот.

Озорной гвоздь поймал его за штанину. Старик пискнул и свалился от страха в яму,

вырытую свиньями у берега. Упал и не двигается.

Тут Шурка опомнился.

— Вот старый хрыч, за водяного што ль принял, помрет еще.

Глебыч не колыхнется.

Шурка махнул рукой, снял цепочку, скакнул в лодку — и вниз по течению.

Очнувшийся Глебыч не решился идти на паром и ушел ночевать к церковному сторожу.

Долго ехали по течению; когда черной стеной встал бор с левого бока, направили к берегу и зашуршали по сухому камышу. Рукастые коряги не давали подъехать. От нетерпения Шурка прыгнул прямо в воду, думая мелко, но почувал — потянуло, как муху в воронку, под громадные коряги. Хотел крикнуть и не успел, как сомкнулась над головой вода.

Фома рванулся за голову, но волос не было и не удержал, рука цапнула край галстука и потянула.

— Пропал бы. Ох, голова! — шлепал губами Ерема. — Черный яр ведь это, так бы сомы и съели.

Пристали к берегу и крепко выжимали мокрое белье. Шурка плясал, чтобы согреться.

— Разведем костер, — посоветывал Васька.

— Ну нет, вся охота пропадет.

Цепляясь за корни, вылезли на бугор.

— Ну... — толкнул Шурка Фому, щелкая зубами.

— Идем прямо, на тропу выйдем, через полчаса самогонщики хвакт появятся.

Все четверо подрались по кустам.

Васька вынул финку и зажал ее в зубы, как делают индейцы и ковбои.

Ночь была черная и душная, но лес дышал, и его дыхание было прохладное и ровное. Затихшая дневная жизнь перегудывала ночными гудами. Пилили сверчки, всхлипывала спугнутая птица и опять затихала. Прорывался шорох от сорвавшегося с сучка глухаря, пищала где-то мышь, пробегал по верхушкам случайный ветер, но не нарушало это лесного покоя.

Ребята шли, и лес не замечал их, и от этого было жутко — лес чужой.

Вдруг что-то ухнуло, вздохнуло, и режущий неприятный хохот глухонемого прорвался откуда-то. Застонал лес.

— Филин.

— Он озорует.

Знали и не боялись, но не хотелось слышать еще этот сумасшедший смех. Перешли просеку, вырубку. Ноги едва волочились, задевали за каждый пенек, не хотели идти. Шурка вспомнил сказки про цветущий папоротник в ночь под Ивана-Купала и понимал, почему страшно было искать его, почему казалось искателям, что даже деревья не пускают их к цели.

Шурка улыбался и шел. Обязательно ему надо найти этот цветущий по ночам самогонный папоротник.

Фома и Ерема сопели, пыхтели и самым серьезным образом пробирались вперед.

А Ваське ничего не оставалось делать, как только не отставать от компании.

Бор делался гуще. Сосны и ели были огромные, и казалось ребятам, что они в шахте, а далеко просвечивают клочки неба.

— Стой! — Фома потянул носом воздух, фырча, как лошадь.

Ерема потянул еще больше.

— Есть!

Потянул и Шурка и ничего не учуял, кроме запаха сосны.

— Что есть?

— Дымом чуется справа.

Свернули правей. Шли и поводили носами.

— Тише, — осадил Ерема.

— Туточко, — прошлепал Фома.

И пошли неслышными шагами по лесу.

Чуть отличимый от ночных гудов допеленулся людской говор. Насторожились. Забила кровь, и шире открылись глаза.

Вдруг Фома ухватил за руку и быстро выдернул за собой.

— Видишь, — глянь!

Между громоздкими рядами сосен протекал отсвет огонька и запах дыма едкого, щекотного.

— Ну, дошли, что дальше?

— Идем ближе.

Снова пробирались по мшистым тропам, ловили обрывки говора и боялись хруста своих ног. Все больше и больше раздвигались громады сосен, и скоро ясно замережил огонь. Но чудной огонь. Точно он был чем придавлен, заглушен и пробирался злой и беспокойный. Вот вырубка, и на ней несколько каких-то бугров земли с пробивающимся огнем. Затаили дух. Увидели людей. Они копошились около

огней, заглушая их кусками дерна, переговаривались. Картина была жуткая и таинственная. Точно колдовали какие-то гномы, черные и непонятные. Шурка не мог оторвать глаз.

— Так вот они где, вот откуда течет эта зеленая зараза! Теперь действовать, скорее действовать! Он первый узнал и увидел своими глазами.

Боясь, что их заметят, быстро подались в лес и, руководясь каким-то особым инстинктом, Фома и Ерема вывели к реке.

Ни горн, ни свисток над ухом не могли утром добудиться четырех наших друзей. Проспали до обеда, как ткнулись в чьей-то крайней палатке, там и уснули, как убитые.

7. КТО-ТО КОГО-ТО НАКРЫЛ

Утром вожатый распекал, обещал накормить лишним нарядом, да мало ли что! Шурка стоял и щурился одним глазом, подмигивал, как сыщик Шерлок Холмс.

Потом не вытерпел, свистнул тихонько и поманил вожатого пальцем. Тот, ничего не понимая, таращил зенки.

Шурка поманил, надув серьезно щеки и, притянув вожатого за ворот, шепнул:

— Готово. Самогонщиков можно брать, и крышка.

— Што?

— Вот это самое, сразу авторитета добьемся: они, ведь, пауки в селе.

— Да где ты их достал-то?

— Нынче ночью, по лесу, брат, дым коромыслом, к празднику-то — ух и гонят, прямо зарево в лесу-то, и близехонько, верст шесть от реки, и все в одном месте — кучей. Во!

Вожатый задумался.

— Тут, брат, штука тово...

— Ну, что? Пустяки. С барабанным боем их, да по селу, тут тебе люли малина...

В палатке раздался фырк. Шурка туда. Ничего, только Фома и Ерема сидят и самым серьезным образом обуваются в лапти. Шурка снова рассказал по порядку, вожатый сам загорелся задором:

— Хоть вспомнить нас будет чем!

Сдал лагерь помощнику и двинул с Шуркой в волость за подкреплением. Никто не знал, куда, зачем, держали все в строгой тайне.

Вернулись к обеду. Совет вожатых обсудил доклад Шурки, одобрил вызов милиции и решил выступать всем отрядом в ночь, оставив дежурное звено стеречь лагерь.

— Была не была, а увидимся!

Вечером, когда небо было мягкое и теплое, неслышно по пушистой пыли дороги подъехало к лагерю шесть конных милиционеров. Тихо и серьезно строились в ряды. Негромко передавалась команда. Ребята пристегивали финки, девчата не отставали.

Переехали на пароме и тут же к Глебычу часовых, не передал бы, в чем дело. Тронулись берегом. Быстро смерклось, и лес, и небо сделались одной сплошной чернотой. Отряд шел тихо. Фома и Ерема вели и указывали дорогу и помахивали липовыми подождками. Вдруг по шеренге пробежал шопот, и от конца по рукам пошла бумажка.

— Вожатому, передай вожатому.

— Что это. Откуда записка?

— Передай скорей!

Петя взял сунутый листок. Неровным почерком, но знакомым, на листке прыгали слова.

«Не ходите, ни в коем случае, дело не чисто, подвох, самогонщиков в лесу нет, ребята, не вздумайте ходить.

Симка».

— Ну, новое дело, а ведь рука-то ее. Где взяли, кто дал записку?

Толкали друг друга, спрашивали, теребили, и всяк ссылался на соседа, нить терялась у Клавдии.

— Откуда ты ее взяла. Кто дал?

— Парнишка у парома; подбежал, сунул и увинтил.

— Врешь, задержать бы его...

— Да я и подумать не успела.

— Нет, записка подозрительная, — вожа-тый сунул ее в карман и ускорил шаг, а сам думал: — что за музыка, а ведь рука Симки.

В лесу разбились на две партии. Одну повел Фома, другую—Ерема. Итти было трудно. Ветки так и цапали за рожу без предупреждения и не извинялись.

Лес молчал глухо и пусто. Не будь милиционеров, можно было бы хорошо струхнуть.

Когда порядочно измотались, то-есть так порядочно, что и самогонщиков забыли, Фома,

ведущий шеренгу с Шуркой и вожатым, вдруг цыкнул и указал подожком на мутно-красный оттенок огня на деревьях — пыхнет и нет, пыхнет и нет.

Вмиг забыли усталость и изодранные рожи, руки схватились за финки. Милиционеры вытянулись и стали нюхать воздух.

Шли ближе и ближе, и чем больше милиционеры нюхали воздух, тем удивленней переглядывались.

— Ага, — толкал Шурка вожатого, — есть, почуяли, народ бывалый, с нюхом.

Еще десяток шагов, поредела чаща, и увидели все на поляне бугры земли, как шалаши. Из-под них сочится огонь, копошатся черные и красные на огне люди. Затая дух, подошли вплотную и стали чутко ждать.

Милиционеры ерзали на седлах и снова удивленно нюхали тяжелый смрад, тянувшийся от поляны.

— Вот ведь, одна вонь, пьют, а? — толкал снова Шурка.

На противоположной стороне свистнули, и шеренга, хватаясь за бьющиеся сердца и болтающиеся финки, высыпала к огням.

Треснул выстрел.

— Стой! Никто ни с места! Никто не уйдет! — выкрикивал начальник волмилиции.

— Руки вверх! — гаркнул он оторопевшим чумазым и оборванным людям. Они на четвереньках лезли из землянок, продирали глаза, лохматые и страшные и становились кучей, чепа затылки.

— Ну, и арапы. Я так и знал, настоящие самогонщики.

— Становись в кучу! Живо! — командовал начальник.

— Товарищи, што вы, мы с патентом. Михаил Сидорыч, где он... буди его, пушай распутает!

— Никаких патентов на самогон нет!

— Да мы пепьющие, — пробурчал саженный парнюга, утирая лицо ладонью, оставляющей черный след сажи.

В ответ хохот.

— Не видать тебя, — образина.

— Да ты што лаешься? Ты кто, а то с коня-то счибу.

— Я тебе счибу, счибу...

— Да что это, в самом деле, ехали бы днем, а то в ночь. Не милиция, а бандиты!

Дело принимало серьезный оборот. Вдруг все загалдели. Ребята и милиция вытаращили глаза: из одной землянки вылез тоже на карач-

ках человек, но он был чистый, в кожаной куртке и тащил за ухо портфель.

— В чем тут дело, товарищи? Почему в ночь?..

— А вы кто такой?

— Я председатель артели смоугольщиков.

Все разинули рты.

— Што? Што.. — потянули голоса. —
Председатель самогонщиков?!

— Я председатель артели смолокуров и угольщиков, вот документы... Но почему ночью, я протестую... Кто здесь партийный?

— Я... я... я... — заикался начальник милиции. — Видите, товарищ, я тоже коммунист.

— Я в Уком партии с этим делом. Являться ночью со стрельбой, — это не годится!

После этих слов поднялся гвалт. Милиция вцепилась в вожатого, вожатый в Шурку, хотел Шурка вцепиться в Фому и Ерему, ан ихнего и духу не было.

За добрую версту катали лапотники, при-
саживаясь хохотать, отхохотавшись, драли
дальше, пока снова не душил хохот, от кото-
рого валялись с ног.

8. ЛАГЕРЬ ПРОПАЛ!

Ребята, оставленные на пароме, не отхо-
дили от Глебыча, помня наказ вожатого. Ста-
рик так осерчал, что притворился глухим и не
хотел с ними разговаривать. Бились, бились,
плюнули.

Уселись у сходней и слушали ночь. Букали водяные жуки, и всплескивала река сонных рыбин. Село было тихое, не перебрехнет собака.

Вдруг донесся беспорядочный топот. Его покрыли крики, и затем огромный лай проснувшихся всех собак села Выселок. Страшный шум и гул катился лавиной к парому, делаясь громче и ближе. Ребята вскочили. Вылез Глебыч.

— Еще што!

— Едут, не наши ли!

Гомон докатился, плеснулся по берегу, и орава галдящих всадников, растрепанных, иные были в одних исподниках и босиком, влетела на паром и осадил взмыленных лошадей.

Ребята только успели посторониться.

— Паромщик, тетеря, проезжали цыгане тут с лошадьми?! — загалдели много сразу.

— Хуже цыган, — пробурчал Глебыч.

— Тяни канат, нагоним. Живей!

Глебыч отмотал причал, и паром дрогнул.

— Глебыч, што ты, какие же цыгане, — опомнился один из ребят.

— А это чьи? — гаркнул кто-то.

— Ихние сторожа, оставлены в караул, — хитро скосив глаза, прошепелявил Глебыч.

— Ах вы... голодраные. Бери их!

Ребята только пискнули, как их тиснули.

Паром уперся в сходни, Глебыч махнул на лагерь, и вся орава снялась, как бешеная, и покатила по берегу.

— Весь табун, а? Головы отвертим, весь табун!.. — слышали ребята, мотаясь на крупах лошадей. Они разглядели, что у всех свое оружие, начиная от топоров, вил и кончая охотничьими ружьями и наганами.

— Да что же это такое?!

Утром отряд, вдоволь нагладевшись, как гонят смолу, деготь и обжигают уголь, плелся без барабанного боя и без всякого мало-мальского задора в лагерь. Болтались у поясов глухие финки — оторви да брось. Наконец-то, паром.

Сидит вечный Глебыч и тянет не менее вечную трубку, а часовыми и не пахнет.

— Где ребята? — тормошили старика.

Он лениво махнул рукой. Там, дескать, в лагере.

Мокрый канат пошел по рукам, и скоро все высыпали на бугор. Строй держать надоело и повалили кучей, как французы из Москвы.

Не дойдя пол-пути, стали шуриться и вдруг, все как один, встали.

— Где же лагерь-то?

Тридцать рук поднялись и, протерев шестьдесят глаз, опустились.

— Ребята, а ведь нет лагеря.

Еще раз огляделись.

— Гм, паром вон, вон роцца, а вот тут и должен лагерь быть, — будто бес путает.

Потоптавшись, во всю прыть понеслись к тому пустому месту, где когда-то был лагерь.

Подбежали и головы повесили. Как слизнуло лагерь — одни опметки, и уцелела только кухня, а по всему, будто буря прошла. Где валяется стенгазеты клоч, где веревки обрывок и потерянный кем-то сандалий, с оторвавшейся со страху подошвой.

— Нн-да... — протянули некоторые.

Покопались в остатках и сели куковать на крутом берегу.

— А все-ж-таки, куда-ж он делся?

— Тут, брат, сам чорт не разберет.

— Проеремили!

— Профомили!

Солнышко продирало на обед, а пионеры все сидели.

— Куда податься? В милицию? — туда теперь глаз не кажи.

С горя запели картошку.

— Тошка, тошка, тошка... — прыгало с берега и топилось в реке.

Но что это? С той стороны реки показался паренек, он свистнул. Ребята повскакали.

Паренек скинул кафтанишко, достал лук, стрелу и, туго натянув тетиву, прискакнул.

Стрела жикнула в воздухе. Ребята даже отскочили.

— Откуда его принесло?

Стрела дала перелет и кокнулась у дорожки. Ребята бросились к ней, а паренек залепетал к деревне.

— Стой, стой! — орал ему.

Он невозмутимо удирал.

Стрелу отыскали. На конце ее была привязана бумажка. Вожатый развернул и опять тем же почерком буквы сказали:

Лагерь по ошибке вместо цыган.
Направление в уезд. Спешите — всего
двадцать верст, к вечеру там. Я на
работе, не вздумайте отыскивать.

Симка.

Р. С. А дельцы Фома и Ерема.

Вожатый поковырял в голове бумажкой,
с досады швырнул ее и дал сбор.

— Наждем в город, в уезд.

Шагали натошак и налегке.

9. ФОМА-ЕРЕМА — НЕ ФОМА И ЕРЕМА

— Да какие же это тебе цыгане, орясина
безглазая, — размахивал руками начальник
уездной милиции перед фиолетовым носом здо-
ровенного парнюги.

— Да ня цыгане, дети ихние, сами-то деру,
их оставили. Ведь табун цельный, табун
угнали, 20 конев! — горячился богатырь.

— Тьфу, «конев», да ведь это шнонеры.

— Ну, по вашему шнонеры, а у нас цы-
гане, и шатры у них, видишь, шатры.

Парень указал на кучу палаток и прочего барахла. Все мужики, как быти в нижнем белье, кто босой, стояли полукругом во дворе милиции, держа в поводы лошадей и начинали чесать затылки.

Десяток пионеров жалась к начальнику милиции.

— Не шатры, а палатки, — обиделся Рубинчик, выступая вперед, весь избитый, с кровоподтеками и царапинами на физии.

— Мы, товарищи, из города, отцы наши рабочие, документы есть, а в палатках жили для здоровья и вовсе не к чему было нас трясти и мытарить, и кто вам сказал на нас...

— Да у села два парня встрели и указали, они, грит, будут пионерами обзываться, не слушайте, цыгане и есть... Ну, мы и тово.

— Какие они из себя-то?

— Да средние, в лаптях, в зицунах, с клюшками.

— Но-о, да это Фома и Ерема. Что-ж это они, а?

Ребята стали в тупик.

— Товарищи, вы ошиблись, — выступил опять начальник милиции, — это ребята из го-

рода Москвы, документы есть, а беспокойство
ихнее может вам очень даже нехорошо быть
— Быть, вот тебе быть, говори, хорошо

всех доставили, дорогу-то колготно с ими, так
думали двоих-то оставить, а энтих на мосту
в овраге пококать.

— Да, чуть-чуть, — переминались му-
жики, — а помяли, это уж не обессудьте.

— Товарищ Голубев, телефон из Мокрого, там каких-то цыган задержали с табуном лошадей...

— Это наших, пра, ей-богу, — затормошились мужики.

— В другом совсем боку, а мы этих мяли. Скоро погоня кинулась в Мокрое.

К вечеру вступил в город отряд пионеров, босых и отощавших, покрытых густым слоем пыли. В милиции наткнулись они на бранные останки лагеря.

Были рассказы, были горячие слова, и втуне и всуе поминались Фома и Ерема.

Срочно заседал совет вожатых и решил — в Москву, даешь Москву, не тащиться же обратно, когда жить неделя осталась. Грузились в теплушку в ночь, а на утро—ду-ду-ду—поехали.

Москва была попрежнему сухая и трескучая, оглушила с ушей, осадила и завертела в своей толкотне.

Встречали всех родители.

— Шурка, что у тебя за рожа! — всплеснула руками мать.

— Загорел, значит.

— А что же она черными пятнами?

— Это когда сильно загорит, так бывает,— врал Шурка, не распространяясь о «цыганском загаре».

Стенная газета скоро заполнилась лагерными воспоминаниями, а когда снег опушил улицы Москвы и разрисовал заборы и крыши, ребят таскали в молодые отряды рассказывать о лагерях. Слушали, затаив дух, горели глаза у молодых пионеров и записывали в дневники памятный день рассказов очевидца о лагерях. Симку не забывали, и она не канула в воду,— отцу прислала письмо с объяснением отсутствия, а отряду — опять несколько туманных слов.

«Ждите скоро все, Фома-Ерема — вовсе не Фома и Ерема, а самогон в лесу не гонят, а в горнице.

Симка».

10. КАК БУДТО САМАЯ ОБЫКНОВЕННАЯ НИЩЕНКА.

— Подайте безродненькой... Тук, тук.

Бродит под окнами села чумазая, обтрепанная нищенка. Босые ноги волочат пыль. Тер-

пеливо обходит она кучи хвороста, бревна и добирается до окна.

— Подайте безродненькой... Тук, тук...

Некоторые окошки открываются, и тянет рука кусочек черного хлеба, иные молчат, а иные с сердцем:

— Не прогневайся, много вас, бездельников.

От таких окон обыкновенные нищенки быстро семят и открещиваются. Наша нищенка наоборот, услышав такое из окошка, остановилась.

— Я бы, тетенька, поработалась.

— А чего умеешь-то?

— Да по хозяйству помочь, в огороде, не то с ребятами.

— А ты не воровка?

— И-и, што ты, тетенька, вот те хрест, нет.

— Ну, взойди.

Нищенка обошла плетень и шагнула в скрипучие сени, оттуда в душную парную избу. Плотная глазастая баба внимательно оглядела ее и совсем неожиданно предложила.

— Сядь, поешь.

Нищенка, не спеша, уселась, положила под ноги узелок и поправила волосы.

Скоро появилась чашка щей, ложка, немного меньше чашки, и ломоть хлеба. Нищенка стала есть, быстро и ловко орудуя ложкой.

— На еду ловка — на работе бойка, — заключила наблюдавшая за ней хозяйка. Самый верный способ работника узнать — это по еде. Тут участь нищенки была решена, хозяйка предложила ей за харчи и за обнову остаться работать.

В люльке запищал ребенок, и новая нянька принялась за свою работу. Не успела укачать, послышался на улице вой и рев, и затем в избу на одной ноге вскочил парнишка, держа другую в руке и вертясь:

— Ой, ой, мама...

— Что те бес носит! — цыкнула мать.

— Мамынька, нога, ой, нога!

— Да што те, паровозом што ль переехало?

— На бутылку... я... ой...

— Засыпь землей, не то паутиной залепи, чего реветь.

— Иди сюда, — позвала нянька, — сейчас устроим, — и потащила парня на крыльцо.

— Держи так. — Скоро нога была промыта

и завязана чистой тряпкой. — Ну, утихает. А паутиной иль землей не вздумай.

Парень успокоился и теперь только заметил, что человек новый и не их — деревенский. Покосился.

— Что смотришь? Я нянька теперь у вас.

— А каши молочной давать будешь, — прощелкал толстыми губами парень.

— Сколько хошь.

Парень помотал головой, такую-де няньку признать можно.

День новая нянька приглядывала, поучалась. Вечер — пригнали стадо. Полон двор скотины набежало. Хрюкали свиньи и тыкали мордами в ноги, прося пошла, орали овцы и мычала корова, чтобы и о ней не забыли. Нянька с хозяйкой всех угомонили. Потом хозяйка стала доить корову, а нянька собирать на стол. Пока она собирала, из сеней, как кузовки, выщелкивались один за другим, белые, одной масти, только калибром разные.

— Ишь, сколица их, — махнула рукой хозяйка Марья, — и все ребята, хучь бы одну девчонку, а эти прощальги, как утро, так стрелкача, только ужинать и приходят.

Как накрыла на стол, услышала в окно громкое:

— Тпру. Приехали.

Задрезжала соха и засопела лошадь.

— Отец приехал.

Ребята наострили уши, и половина их, числом трое, выбежала к отцу.

Через пять минут они вбежали снова, и за ними вошел «отец».

— Ну, команда, по местам, — шутливо топорца рыжие усы, махнул он рукой. В середине шести белоголовых уселся сам и взял хозяйской рукой ковригу и оделил всех ровным ломтем. На няньку взглянул тогда, когда потянул ей тоже кусок.

— Чья такая?

— Няньку вот нашла, лето пособит, харчи наши, да там платишко к празднику.

Отец молча протянул ломоть хлеба, и тем новая нянька была утверждена окончательно в своем звании и чине.

11. НЯНЬКА ВОВСЕ НЕ НЯНЬКА

Скоро к няньке все привыкли, точно и не жили без нее. Каждый белоголовый к ней,

И сама нянька стала привыкать, даже различать стала, кто из них Ванька, Гринька, Сенька.

Насчет работ няньке хватает.

Еще зорька и не мигнет, а лишь петухи на нашестях прогорланят, тянет дерюгу из-под несетка Марья.

— Вставай, нянька, вставай!

Нянька с палатей — кошкой.

Марья идет корову доить, няньке пока не доверяет, дело это очень серьезное.

Нянька тем временем печку затуганивает, смотрит, чтоб не прозевать, по всему селу зайчики по окошкам, пора.

Пока Марья подоит, у няньки картошка начищена и лук накрошен, и пшено вымыто.

Процедят молоко, спустят в погребец, готовят завтрак, поглядь-послышь, пастух зата-нанькал, а в ответ ему все ворота заскрипели.

Тут нянька не зевай, — всех распредели. Куда овец, куда свиней, а куда буренушку. Только-только со двора скотина, отец встает, все белоголовые за ним — тоже мужики.

Завтракают при огне, при коптилке, мухи со-слепу гудят, сердятся, а ничего у них не выходит — темно. Отца в поле проводят, сами

на огород. Сперва капусту полиют, каждому вилочку по ковшику, потом пообвянет роса, полоть сядут. Грядки длинные, травы деручие, придет нянька домой, даже рот почернеет. Вот так-то. Все село скоро завидовало:

— Ишь, ведь, людям-то везет. Клад у Марьи нянька, золотой клад.

Марья по селу козырем — что-де, значит, могу работницу выбрать, не даром сперва на еде пробую.

Так стала нянька совсем своя.

Только стала всех удивлять, никто не гадал какие за ней штуки водятся!

Раз достает отец полтинник и говорит:

— Беги к Петру Тимофеевичу, двух-перегон спроси, мол, очень требуется для писаря, не иначе пьет двух-перегонный, не иначе пишет, как после вышивки, а мне заявление нужно.

Я няньки без разговоров, раз-два и у той избы, что с петухами, первойшей в селе избы, стучится прямо в дверь полтинником.

— Кто там?

— Это, тетенька, за двух-перегонным от Печеновых.

Дверь открылась:

— Пройди, налью.

Нянька вошла в избу.

— Давай бутылку-то.

Нянька дала бутылку, хозяйка пошла в горницу и принесла ее полную зеленой жидкости.

Покупательница понюхала, посмотрела на свет, тряхнула и покачала головой.

— Нам, тетенька, за полтинник двух-перегонного.

— Дура, этот самый он!

— Нет, нет, этот слаб, рази это самогон?

— Какой же тебе, иди, глянь, плохой-то какой, плохой вовсе желтый.

Хозяйка открыла дверь в горницу и показала няньке два ведерка, стоявшие на подставках у какого-то жбана, вмазанного в печку и топорищившего от себя разные медные трубки.

Нянька осмотрела оба ведерка и осталась недовольна.

— Не возьму, плохой.

Ударяя, вдогон слышала ругань самого хозяина Петра Тимофеевича, расстроенного таким хаяньем:

— У, хвостотренка паршивая, тоже понимает.

— Купила? — встретил отец.

— Нет у них хорошего, и полтина назад.

— Ах, ты оказия, не напишет так, оканый.

— А чего писать, я могу, — тряхнула нянька головой и рассыпала стриженные волосы.

— Што? — даже попятился отец.

— Могу, говорю, писать-то.

Скоро рыжий Григорий убедился, что пишет его нянька не хуже писаря, а еще толковитей, без завитушек. Тащил в волость и боялся, а вдруг не дадут по такой бумаге, ведь писал-то кто: не писарь, а нищенка. Решил волостных надуть и бухнул:

— Писарь писал, все как след.

В волости прочитали и удивились.

— Или ты шибко писаря поил или совсем не поил, но никогда так писарь не писал.

Лес, все-таки, по заявлению дали.

С тех пор Григорий стал дивиться и поглядывать на свою няньку, так и эдак, со всех боков.

И вдруг, вот на! Шел он со схода, цапнул его за руку, весь не в себе белоголовый Ванька, затянул за плетень и на всю улицу шепнул:

— А нянька, вовсе не нянька, она — кы-

мисар! — и ещё зашептал много и часто, но этого уже не было слышно.

12. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ РАСКАЧАЙ-КОШЕЛКИНА

Дело делается исподволь и неприметно, так и у няньки помаленьку и подруги завелись.

— Ты, Анют, куда?

— А ты куда?

— Я так.

— А я не так.

— А што?

— Раскачай-Кошелкин-то помирает.

— Ну, и помрет-то, пускай.

— А жалко, ведь, поди корежится и пить некому дать.

— Попить, это правда.

— Дойдем, глянем его.

— Пойдем.

Скоро Анютка и нянька крались к раздавленной лачуге Раскачай-Кошелкина. Вот ввалившаяся дыра, где когда-то была дверь. Тянет запах кислый и тошнотный. Робея, заглянули. Темно и темно. Тихо.

— Никак вздохнул.

— И то вздохнул.

— Жив, значит.

Нянька осмелела и вошла. Нога повязла в грязи, и затошнило от вони. Присмотрелась. В углу что-то лохматое на лавке. Заворочалось, замычало.

— Он жив еще.

Больной замычал.

— Ой, боюсь, — скакнула Анютка к двери.

— Чево бояться, пить хочет, беги скорей.

В запекшийся рот полили воды. Не открывая глаза, языком булькал воду, выпил. Дали еще. Еще проглотил.

— А ведь может отживет.

— Может, только зарос весь и космы, как у попа.

— Острижем, а? Приберем немножко, человек ведь.

— Какой человек, зверь он, тут этих городских пугнул, пионеров-то, — махнула рукою Анютка, — через реку кидались.

В конце концов, притащили ножницы, которыми овец стригут и окорнали. Гигант лежал пластом, и было не боязно.

За этим разом пришли еще, избу вычистили, вымыли и больного с лавки на другую перекатали на чистую дерюгу. Стал Раскачай-Кошелкин оправляться.

Но все молчал, таращит глаза и молчит, и не гонит, и не просит, а молчит.

— Чудной он, Раскачай-Кошелкин. В городе был на заводе. Глядь, в голод приехал. Самогон тут затеяли, а он знающий. Такой он гнал, страсть. Потом накрыли его. Петр Тимофеевич открыл свой завод и его позвал, стал он ему гнать. Как сам научился, так и прогнал Раскачай-Кошелкина Петр-то Тимофеевич. Он, было, так-сяк заведется, а его накроют, да в суд, а Петра-то Тимофеевича не трогают, так этот и сгиб.

— Досадно.

— Чево, что самогон не дали ему гнать?

— Нет, не про то, а вот рабочий и так опустился — кулацкое дело, испортили человека.

— Ну, поправится, — заявила простая Анютка.

И впрямь Раскачай-Кошелкин поправился.

Неожиданно-негаданно увидело село его громадную фигуру,двигающуюся с перевалкой,

как корабль в качку, к избе Петра Тимофеевича с петухами на крыше.

— Бутылку опохмелиться,—прохрипел он, высунувшемуся в окно, хозяину.

Кулак струсил страшного вида и необычного появления отпетога и дал бутылку.

Раскачай-Кошелкин закачался домой пить.

— Трах!.. Звень-тень-тень...

Юркнула жидкость в пыль, а в руке одно горлышко.

Разинул бедняга рот, а перед ним девчонка с хворостинкой в руке.

— Ты што это опять, для того мы тебя выхаживали, а? — и глаза девчонки так и жгут.

Остолбенел Раскачай-Кошелкин, хотел рявкнуть, пугнуть какую-то девчонку, но как будто вдруг позабыл, что-то и поплелся мелким шагом прочь, даже походку изменил. Ну, штука!

13. ЛАГЕРЬ НЕ ПРОПАЛ

— И ты, Анютка, не врешь?

— Е-ей, нет, пионеры и галстуки на них.

— Дети Петра Тимофеевича, кулака, — пионеры?

— Пионеры, в городе учатся, идем, увидишь.

Нянька и Анютка мчались к кучке ребят, толпившихся у бревен. Подбежали и бросились в глаза два красных галстука. Не веря глазам, нянька, да, да, нищенка-нянька, хватаясь за бьющееся сердце, подошла к двум пионерам, отдала салют и отчетливо отрезала:

— Здравствуйте, Фома и Ерема.

От этих слов ребята в красных галстуках присели, точно их оглоблей оходили.

— О...т...т-от-куда ты зна... эн-аешь, — запинаясь залепетал один. Другой только губами зашлепал: шлеп-шлеп-шлеп.

Няньки же и след простыл.

Постояли «Фома и Ерема», очухались, переглянулись:

— Гм, видать, пропали!

Ванька белоголовый, однако, не зевал и после таких странных вещей из любопытства пострекотал за своей нянькой.

Пришлось бежать, ни много ни мало, до Раскачай-Кошелкинской избы. Прилип в сенцах и замер, и слышит неподдельный голос няньки.

— Теперь самое время за дело взяться. Какие же вы старшие братья, наши комсомольцы, если знали и сказать боялись. У нас лагерь из-за этого пропал, эх вы!

Надо это исправить, кулаков же с самогоном и всю шайку изловить... В милицию, в газету...

— Убьют, убьют и никаких, все за них, председатель ихний, боязно, — тоскливо жаловался комсомолец Тыркин. Рядом жались еще двое, а нянька стоит и рукой в стол — прямо кымисар-оратель.

— Убьют? Врут, не убьют! — рявкнул вдруг Раскачай-Кошелкин и так хватил кулачищем по столу, что Ванька катился из сеней до Демкинова колодца. Едва дух перевел, чтобы отца сцапать и такие чудеса рассказать.

А в избе Раскачай-Кошелкин распалился, жар пошел, костями лечь решил, а кулаков изничтожить. Комсомольцы загорелись от него тем же жаром. Не чуял Петр Тимофеевич, не чуяли петухи на коньке его крыши, а беда наклонулась. Конец ему будет скоро, хоть и здорово его ребята пионеров надули, сам натравил и хохотал вместе с ними, а тут и Фома-Ерема заметались, что это за девчонка, почему знает, как?

Скоро все стало яснее белого дня. В отряд № 1 уездного города пришла бумажка за подписью комсомольской ячейки и пионерки Симки. Что там было писано, не упомнишь, только у «Фомы-Еремы» косыночки красные сняли.

А эта же самая пионерка Симка привезла и показала в своем отряде тоже бумажку. Эта бумажка проста, как дважды два.

«Дорогие товарищи, 42 отряд, шлем мы вам привет и хотим крепче связаться. Благодаря случайно случившихся случаев, летом не случилось нам встретиться, когда стояли в пропащем лагере. Приходите на лыжах прямо, ждем.

Ребята села Выселок»

(Подписей тридцать.)

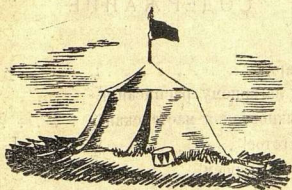
А еще добавок:

«К тому времени, как придете, мы уже пионерами будем и вожатый уже есть. Скоро обещание, вот!»

Ребята прочитали, теребили Симку расспросами, чесали в затылках и кричали при воспоминании о Фоме и Ереме.

Шурка ежился больше всех и все ж
выпалил:

— А ведь лагерь-то не пропал, наука,
братцы!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
1 В лагеря	3
2 Не по лагерному расписанию	7
3. Необыкновенная мастерская	15
4. Будь готов!	23
5 Постой, накроем!	32
6. Что-то есть	35
7. Кто-то кого-то накрыл	43
8. Лагерь пропал!	50
9. Фома-Ерема не Фома и Ерема	55
10. Как будто самая обыкновенная нищенка	59
11. Нянька вовсе не нянька	63
12. Выздоровление Раскачай-Кошелкина	68
13. Лагерь не пропал	71

ДЕТСКИЕ КНИГИ

Средний и старший возраст от 11 до 15 лет.

Ауслендер, С. Много впереди. Повесть. Рис. П. Аляк-ринского. Изд. 2-е. 1925. Стр. 150. Ц. 45 к.

„Приключения мальчик, бежавшего на красный фронт за отцом. Много революционного подъема. Написано живо и увлекательно. Годна для детей от 11 лет“. („Вестник Просвещения“, 1924, № 10.)

Бабаев, Н. Красные орлы. Рассказ из жизни военных летчиков. С рис. В. Васильева. М. 1924. Стр. 27. Ц. 20 к.

Автор, сам военлет, хорошо знает жизнь в воздухе. Его хорошо написанный рассказ, рисующий боевые похождения двух друзей-авиаторов в период войны с Польшей, их смелые налеты, ловкий побег из плена на неприятельском аэроплане, — прочтется залпом любым юным читателем.

Владимирский, В. Колька - Сподручник. Сборник рассказов. М. 1924. Стр. 70. Ц. 40 к.

„Рассказы В. Владимирского способны будить мысль и волю рабочего подростка, направляя их в правильное русло рабоче-крестьянской идеологии и советского строительства.“

Рабочий подмастерье (сподручник) Колька, талантливый самородок, рано „нутром“ понявший смысл классовой борьбы, еще в дореволюционное время стихийно сплотил вокруг себя рабочее юношество провинциальной фабрики и геройски пал ранней жертвой при усмирении рабочего бунта.

Другие рассказы („Китапульта“, „Инженер-Федька“ и др.) рисуют нередкий тип юношей-изобретателей, будущих инженеров. Эти рассказы могут помочь юноше как в закале воли, так и в свободном выборе определенной жизненной цели.“

(„Книгоноша“, 1924, № 36.)

Владимирский, В. Шахта Изумруд. С рис. В. Васильева. М. 1924. Стр. 92. Ц. 50 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Интересный, живо написанный рассказ о жизни детей рабочих на изумрудных шахтах перед революцией и в гражданскую войну. Ярко изображено возникновение и углубление классового чувства у детей, полны интереса и напряжения эпизоды борьбы рабочих с белыми,—борьбы, в которой ребята принимают живое и непосредственное участие. Рассказ читается детьми 10—14 лет с неослабевающим интересом.

Григорьев, Сергей. Паровоз Э-Т—5324. Рис. А. Баранского. Изд. 2-е М.—П. 1924. Стр. 54. Ц. 25 к.

„В момент наступления колчаковских войск дети ж.-д. служащих на оставленной красными станции преграждают путь поезду белых. Рассказ читается детьми с большим интересом. Написан живо, с драматизмом. Фигуры маленьких героев очерчены выпукло“. („Народный учитель“, 1924, № 10.)

Дефо, Д. Жизнь и приключения Робинзон2 Крузо. В переработке для детей старшего возраста М. Толмачевой. Под ред. А. М. Калмыковой М.—П. 1923. Стр. 164. Ц. 80 к.

Замойский, П. Барская плетка. Рис. П. Соболева. М. 1925. Ц. 30 к.

В сборнике 3 рассказа: „Барская плетка“, рисующая ужасы крепостного права, „В бурную ночь“ — подвиг девочки, спасающей отца-коммуниста, председателя сельсовета, и всю деревню от бандитов-антоновцев, и „Письмо к Ленину“—доведенный до отчаянья тяжелой нуждой мальчик пишет письмо к Ленину, и семья получает помощь по распоряжению Владимира Ильича. В рассказах — большое знание деревни; переживания деревенских ребят изображены правдиво и искренно.

Каринцев, Н. К южному полюсу. Путешествие Скотта, Шекльтона, Амундсена и др. великих исследователей. С портретами и рис. М. 1925. Стр. 200. Ц. 70 к.

Путешествие—излюбленное чтение подростков. Книга Каринцева не разочарует их: тут и приключенческий элемент, обогащенный жаждой знания, и героизм, и настойчивая борьба со всеми препятствиями для достижения раз поставленной цели, и много научных сведений, даваемых в интересной форме.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Кравченко, А. Как Саша стал красноармейцем. Рис. С. В. Герасимова. М. 1924. Стр. 79. 2-е изд. Ц. 35 к.

„История деревенского мальчика Саши, трепальщика пеньки у кулака Кобелева. Саша уходит в город, попадает в пролетарскую среду, вырастает в сознательного борца за коммунизм и идет в Красную Армию защищать Советскую власть...

Книга выдается большой искренностью, настроенностью, автору знаком деревенский быт, и лучше всего ему удалась картина детского труда в кулацкой мастерской. Книга может быть хорошим пособием для школьной темы: социальной быт деревни. Возраст читателей 11—15 лет“. („Книжный листок Центросоюза“, 1924, № 5).

Неверов, А. Мишка Додонов. Повесть. Рис. А. Баранского. М. 1925. Стр. 142. Ц. 60 к.

Повесть представляет собой переделку для детей известной книжки того же автора „Ташкент — город хлебный“ и дает яркое и любовно написанное изображение тяжелых переживаний деревенского мальчика, отправившегося за хлебом в дальнюю сторону, и его приключений. Книга все время держит читателя в большом напряжении, внушая ему вместе с тем горячее сочувствие к герою повести. Написанная простым и образным языком, свойственным автору, повесть должна занять одно из первых мест в современной детской библиотеке.

Новиков-Прибы, А. Пленники бездны. Повесть. Рис. В. Голицына. М.—Л. 1925. Стр. 124. Ц. 65 к.

Жизнь моряков на подводной лодке, отношение двух миров — начальства и команды, назревание революционного настроения, ряд захватывающих приключений. У читателя напряженный интерес не прерывается ни на минуту. Первоначально изданная не для детей, повесть пользовалась огромной популярностью среди читателей детских библиотек в возрасте от 12—15 лет.

Партизаны. Сборник. Под ред. П. Низового. Рис. С. Меньшутина. М. 1924. Стр. 96. Ц. 50 к.

В сборнике подобраны рассказы П. Низового, А. Новикова-Прибы, П. Дорохова и Ф. Гладкова, объединенные общей темой о партизанских отрядах, главным

120 =

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

образом, в Сибири, во времена колчаковщины. Суровая, полная неожиданностей, опасностей, жестоких поражений и героического напряжения, жизнь партизан нашла себе отражение в этих ярко написанных рассказах. Не одни дети, но и взрослые с неослабным интересом прочтут этот сборник.

Рязанцев, Всев. Демка Лобан. Повесть. Рис. М. Чигарева. М. 1924. Стр. 104. Ц. 60 к.

Повесть рисует настойчивого и вдумчивого деревенского мальчика из бедной семьи, который после целого ряда мытарств (работа в лавченке, скитания по Москве, встреча с детской воровской шайкой), пробивает себе дорогу в жизни, попадает на работу в мастерскую и сталкивается с комсомолом; изложена просто и живо, доступна пониманию детей в возрасте от 10 до 12 лет.

Сурожский, П. На трудовом пути. Рис. С. Герасимова. Стр. 112. Ц. 40 к.

„Книга П. Сурожского содержит две вещи: повесть „На трудовом пути“ и небольшой рассказ „Зверковый конь“.

„На трудовом пути“ рисует беспросветную и безотрадную жизнь мальчика-шахтера в эпоху капитализма, ужасные условия труда под землей, смерть, калеченье, плохую оплату труда шахтеров, нищенское пособие, выдаваемое им администрацией в случае потери трудоспособности.

Второй рассказ изображает современного крестьянского мальчика, почувствовавшего влечение к творческой работе, к резьбе по дереву. Мальчик выдвигается и осуществляет свою мечту: вырезать буденовца на коне. Работа мальчику удается, и ее, под названием „Буденовец“, отсылают в Москву на выставку.

Рассказ, как полный живой бодрости и подъема, можно широко рекомендовать для всех школьных библиотек“. („Книгоноша“, 1924, № 46.